

Июньское утро в Юньяне едва началось, а воздух уже был густым от жары.

Чжан Бэйтин, одетый в белое нижнее одеяние, сидел, прислонившись к краю кровати с балдахином. Несколько прядей упали ему на лоб, наполовину скрывая бледное лицо.

Кроме кровати, в комнате стояли шкаф, стол и ещё несколько предметов мебели — всё старое, непривычного вида.

Это место он совершенно не узнавал.

Зато чужие воспоминания в голове недвусмысленно подсказывали: он перенёсся в другой мир.

В Да Цзин — государство, которого в известной ему истории никогда не существовало.

Прежнего владельца тела тоже звали Чжан Бэйтин. Более того, его семья, как и семья самого Чжан Бэйтина до переноса, держала заведения общепита. Только интересы у них оказались совершенно разными. Чжан Бэйтин с детства любил возиться на кухне, оттачивать мастерство и придумывать новые блюда, а его предшественник свято верил в старое правило: все занятия низки, лишь учение возвышает человека.

В семнадцать лет тот успешно сдал экзамен и получил степень сюая. Чтобы сын смог учиться у лучших наставников, родители продали семейные чайные и закусочные и всей семьёй перебрались в соседнюю провинцию, поближе к знаменитой Академии Белого Журавля.

Три года спустя юноша отправился на провинциальный экзамен, но провалился. А во время дороги туда и обратно вся семья, к несчастью, подхватила поветрие. На лечение ушло всё состояние, однако выжил только он один.

Перед смертью родители Чжана оставили сыну последнее пожелание — поскорее обзавестись семьёй.

В Да Цзин не существовало строгого правила, сколько именно следует носить траур по умершим старшим. Прежний Чжан Бэйтин доставил останки родителей на родину, завершил сорокадевятидневные поминальные обряды и сразу после этого послал сваху в семью Сун, с которой у него был заключён брачный договор, чтобы назначить день свадьбы.

А в брачную ночь, подняв красную фату, он увидел не вторую дочь семьи Сун, указанную в договоре, а гэра.

После недавней тяжёлой болезни организм и без того был ослаблен. От ярости и потрясения у прежнего владельца тела перехватило дыхание — и на этом его жизнь закончилась.

Когда тело вновь открыло глаза, внутри уже находилась другая душа.

Чжан Бэйтин потёр переносицу и едва удержался от желания поднять голову к небу и спросить, за что ему всё это. Он всего-то прикорнул по дороге на церемонию награждения лучших поваров страны — Huaguo Chef BEST10. Почему же проснулся здесь?!

Он ведь обещал родителям поставить кубок на стойке их семейного ресторана.

Теперь ни кубка, ни прежнего мира. Только совершенно незнакомая жизнь.

Чжан Бэйтин так погрузился в размышления о своём положении, что даже не заметил нерешительных шагов, остановившихся у двери.

— Ты... проснулся? — раздался осторожный голос.

Чжан Бэйтин обернулся.

В дверях незаметно появился молодой мужчина.

На нём было поношенное грубое синевато-зелёное одеяние. Ростом он был примерно метр восемьдесят, но при этом очень худой. Узкая талия, стянутая поясом, казалась такой тонкой, что её можно было обхватить двумя ладонями. Тонкие черты, красивые глаза с чуть приподнятыми уголками, высокий нос и выразительные брови придавали его красоте явственный мужской оттенок.

У Чжан Бэйтина на миг перехватило дыхание.

Впервые в жизни он понял, что значит встретить человека, который идеально совпадает с твоими представлениями о красоте.

Сун Яньцин столкнулся с его пристальным взглядом и испуганно опустил голову.

Он боялся Чжан Бэйтина.

Осознав это, тот смягчил голос:

— Да. Проснулся.

Сун Яньцин осторожно поднял глаза. Увидев, что Чжан Бэйтин уже отвёл взгляд, он бесшумно прошёл к столу, стоявшему как можно дальше от кровати. Немного помедлив, налил чашку воды, поднёс её и тихо спросил, всё ещё бледный:

— Хочешь воды?

Чжан Бэйтин принял чашку и совершенно забыл, что прежний хозяин тела потерял сознание из-за приступа, вызванного сильнейшим гневом. Вода едва коснулась горла, как он отчаянно закашлялся.

Через несколько мгновений лицо покраснело, на глазах выступили слёзы.

Сун Яньцин прикусил губу, собрался с духом и протянул руку. Осторожно, раз за разом, он стал похлопывать Чжан Бэйтина по спине.

Лишь спустя некоторое время кашель наконец отпустил.

Сун Яньцин незаметно отступил подальше.

— Прости.

— Ты тут ни при чём. Я сам слишком торопился, — Чжан Бэйтин махнул рукой и медленно поднялся.

Когда они оба оказались на ногах, выяснилось, что Чжан Бэйтин выше примерно на полголовы. Почему-то это его порадовало.

А вот Сун Яньцин, ощутив эту разницу в росте, невольно сделал ещё шаг назад.

Заметив это, Чжан Бэйтин передумал подходить к столу, чтобы вернуть чашку на место. Ему казалось, стоит сейчас двинуться в сторону Сун Яньцина — и тот снова испугается.

— Бэйтин уже очнулся?

Звонкий женский голос и приближающиеся шаги разрушили неловкое молчание.

Увидев вошедшую, Чжан Бэйтин поздоровался:

— Тётушка Хэ.

Тётушку Хэ звали Мяо Фэнхуа. Она жила по соседству, а её семья торговала овощами. Когда родители Чжан Бэйтина ещё держали в Юньяне чайные и закусочные, овощи для кухни они покупали именно у семьи Хэ.

— Сядь, сядь скорее, — увидев его лицо, Мяо Фэнхуа тут же забеспокоилась. — Я у себя услышала, как ты кашляешь. Всё ещё плохо?

— Уже почти нет.

— Вот и хорошо.

Сун Яньцин, заметив, что они разговаривают, тихо сказал:

— Я пойду готовить.

Мяо Фэнхуа окликнула его:

— Я принесла несколько яиц, оставила во дворе. Свари Бэйтину парочку.

Сун Яньцин остановился и посмотрел на Чжан Бэйтина.

Тот кивнул, и лишь тогда Сун Яньцин ответил согласием и вышел.

Мяо Фэнхуа всё это заметила. Беззвучно вздохнула, дождалась, пока он отойдёт подальше, и только после этого серьёзно произнесла:

— Семья Сун поступила по-свински. Я понимаю, что ты зол. Злишься — выплесни это. Иди к чиновникам, требуй разбирательства, отправляйся к Сунам и выясняй отношения — делай что угодно. Только не губи из-за них собственное здоровье. Оно того не стоит.

— Спасибо за наставление, тётушка. Больше такого не будет.

— Хорошо, что понял. — Она и пришла-то лишь проверить, стало ли ему лучше. Теперь увидела своими глазами и сказала всё, что хотела, поэтому поднялась. — Мне ещё обед готовить, не стану задерживаться.

— Спасибо, что беспокоились обо мне. И яйца принесли... — Чжан Бэйтин встал проводить её.

Мяо Фэнхуа отмахнулась. Уже у двери она вдруг о чём-то вспомнила, поколебалась и добавила:

— И ещё насчёт семьи Сун... Если можешь, не слишком вини Янь-гэра. В ту ночь, когда ты потерял сознание, именно он снял серебряную шпильку с волос и отдал её в оплату лекарю. Если бы помощь не пришла вовремя, ты сейчас, возможно... так бы и не очнулся.

— Хорошо.

Проводив её за ворота, Чжан Бэйтин вернулся и остановился посреди двора.

В доме было всего четыре помещения и два небольших дворика — передний и задний.

Главный зал стоял прямо напротив ворот, а по обе стороны от него располагались боковые комнаты, служившие спальнями.

В восточной части переднего двора была устроена виноградная беседка. Половина лоз уже засохла, а на уцелевших ветвях сиротливо висело несколько ещё неспелых, жалких на вид гроздей.

Стена рядом с беседкой поднималась почти на три метра, так что от чужих взглядов двор был защищён прекрасно.

С западной стороны находилась кухня. Между черепицами на крыше вился тонкий дымок.

Чжан Бэйтин подошёл к колодцу перед кухней и, подняв голову, увидел внутри занятого делом Сун Яньцина.

К тому времени как дым над крышей рассеялся, мысли Чжан Бэйтина тоже постепенно пришли в порядок.

Вскоре Сун Яньцин вышел из кухни с двумя мисками в руках.

— Ещё что-нибудь принести? — спросил Чжан Бэйтин.

Сун Яньцин замер на мгновение и покачал головой.

Они молча направились в главный зал — один впереди, другой следом.

Чжан Бэйтин всё ещё был слаб и шёл медленно. Когда он добрался до стола, Сун Яньцин уже расставил миски и палочки.

Миски были одинакового размера, но содержимое отличалось разительно.

У Сун Яньцина — почти один бульон и совсем немного лапши.

У Чжан Бэйтина — полная миска лапши, а сверху ещё два яйца.

Увидев, что тот стоит и не садится, Сун Яньцин спросил:

— Ты не любишь лапшу?

— Нам нужно поговорить. — Чжан Бэйтин сел.

Рано или поздно им всё равно пришлось бы откровенно объясниться.

Чжан Бэйтину нужно было понять, почему человек, на котором он должен был жениться, внезапно оказался другим.

А Сун Яньцин без ясного разговора, скорее всего, так и продолжил бы жить в страхе.

— Хорошо.

Сун Яньцин положил палочки. На лице сохранялось спокойствие, но стиснутые под столом кулаки выдавали его тревогу.

— Я хочу знать, почему в свадебном паланкине оказался ты.

Сун Яньцин опустил голову. Прошло немало времени, прежде чем он хрипло произнёс:

— Она не захотела.

Он помолчал, осторожно посмотрел на Чжан Бэйтина и, не заметив в его лице гнева, продолжил:

— Когда они узнали, что твоя семья продала чайные и закусочные, чтобы ты мог учиться в Академии Белого Журавля, им уже захотелось отказаться от помолвки. Но тогда все были ещё молоды, и они решили подождать: вдруг ты получишь степень цзюйжэня — тогда свадьба всё равно окажется выгодной.

Сун Яньцин снова запнулся.

— А в этом году, на Празднике фонарей, Сун Яньвань познакомилась с семьёй получше. Ты провалил провинциальный экзамен, потом лишился родителей... После этого они уже ни за что не соглашались на свадьбу. Они уговорили отца пригрозить мне памятной табличкой моей матери и заставили сесть в свадебный паланкин вместо неё.

Он не рассказал одного: даже после этого Сун Яньцин пытался сбежать.

Его поймали, заперли и несколько дней давали на каждый приём пищи лишь миску жидкой рисовой каши. К свадьбе он ослаб настолько, что едва мог ходить. Только поэтому его без особых усилий посадили в паланкин.

А позапрошлой ночью, когда Чжан Бэйтин потерял сознание, у Сун Яньцина появилась идеальная возможность уйти. Все соседи были уверены, что новобрачная — вторая дочь семьи Сун. Стоило переодеться, и никто на улице даже не связал бы его с человеком, находившимся в брачной комнате.

Но Чжан Бэйтин лежал с лицом блее бумаги. Без лекаря он мог не пережить ночь.

И Сун Яньцин всё-таки не смог заставить себя бросить его.

В конце концов, Чжан Бэйтин тоже ни в чём не был виноват.

— Есть же брачный договор. Они не боялись, что я пожалуюсь властям? — спросил Чжан Бэйтин.

— Они сказали, что в договоре записано: «вторая дочь семьи Сун, Сун Яньвань», поэтому бояться нечего. Если разбираться строго, у семьи Сун вообще нет второй дочери. Яньвань старше меня на месяц — именно она старшая. Да и дата рождения в брачном договоре указана не её настоящая.

Выслушав это, Чжан Бэйтин с трудом удержал в голове одну очень крепкую ругань.

Семья Чжан всё это время считала, что мать Сун Яньвань стала второй женой Сун Маоцзу уже после того, как мать Сун Яньцина умерла при родах.

Теперь Чжан Бэйтин вспомнил и ещё одну деталь: именно Сун Маоцзу в своё время всеми силами добивался помолвки между прежним Чжан Бэйтином и «второй дочерью» семьи Сун.

Всё началось с того, что отец Чжан Бэйтина однажды столкнулся с неприятностями во время закупки продуктов в деревне. Сун Маоцзу случайно оказался рядом и помог ему уладить дело.

Отец захотел отплатить за услугу, и Сун Маоцзу предложил породниться.

Дети были примерно одного возраста, а Сун Маоцзу действительно оказал помощь, поэтому отец Чжана долго не раздумывал и согласился.

Но если посмотреть на всё теперь... В тот год несколько заведений семьи Чжан как раз переживали лучший период.

Прежний Чжан Бэйтин думал только об учёбе, хозяйственными делами не занимался и был единственным сыном. Кто бы ни вошёл в этот дом в качестве супруги, со временем именно ей пришлось бы принимать участие в управлении семейным делом.

Просто семья Сун не ожидала, что родители Чжана ради увлечения сына продадут все многолетние заведения и уедут в другую провинцию.

А затем случилась череда несчастий.

Планы Сунов рухнули. Любимую дочь отдавать обедневшему жениху они не захотели — вот и заменили её нелюбимым гёром.

Чжан Бэйтин взглянул на тихо сидевшего напротив Сун Яньцина и невольно вздохнул.

Пожалуй, им обоим досталось примерно поровну.

— Ты...

Он только открыл рот, как живот громко заурчал. В тишине зала звук прозвучал особенно отчётливо.

Чжан Бэйтин кашлянул:

— Давай сначала поедим и продолжим разговор за едой.

Он перемешал лапшу в своей миске, затем подтянул к себе миску Сун Яньцина и начал перекладывать туда лапшу.

Руки у него были уверенные. Очень скоро порции почти сравнялись. В конце он переложил Сун Яньцину ещё и одно яйцо, после чего вернул миску.

— Отныне мы будем есть одинаково.

Сун Яньцин долго смотрел на прибавившиеся лапшу и яйцо, а потом растерянно спросил:

— Почему?

Сколько он себя помнил, всё хорошее в доме сначала доставалось Сун Яньвань. Позже, когда у отца и мачехи родился сын, до него самого очередь почти перестала доходить вовсе.

Обычное варёное яйцо для большинства жителей Юньяна не считалось чем-то редким. Семья Сун к тому же не была бедной. Но хозяйством распоряжалась мачеха, и Сун Яньцин действительно ел яйца всего несколько раз в год.

Чжан Бэйтин серьёзно ответил:

— Если бы ты не вызвал мне лекаря, я не знаю, очнулся бы вообще. И потом... тебя заставили, меня обманули. Мы оба пострадавшие.

Он помолчал и спросил:

— Если у тебя нет человека, которого ты любишь... может, пока просто останемся вместе и будем жить как сейчас?

Сун Яньцин сначала замер, а потом широко распахнул глаза.

Его глаза и без того были чуть крупнее обычных «персиковых». Теперь они стали совсем круглыми, и почему-то это выглядело очень мило.

— Что скажешь? — переспросил Чжан Бэйтин, сам не замечая напряжения в собственном голосе.

Сун Яньцин опустил голову.

— Нет. У меня никого нет.

Это было осторожное согласие.

Чжан Бэйтин облегчённо улыбнулся и наконец принялся за лапшу.

Сам Сун Яньцин до конца не понимал, что именно означает фраза «будем жить как сейчас». Но лапша и яйцо в миске подсказывали: даже такая жизнь с Чжан Бэйтином уже намного лучше всего, на что он смел надеяться.

До того как его посадили в паланкин вместо Сун Яньвань, он представлял множество вариантов: его вернут в семью Сун, избыют, обругают...

Когда же в брачную ночь Чжан Бэйтин от ярости лишился сознания, страх перед будущим достиг предела.

Даже отдав свою единственную ценную серебряную шпильку за лекаря, Сун Яньцин не думал,

что Чжан Бэйтин когда-нибудь его за это простит.

Он и представить не мог, что после пробуждения тот спокойно выяснит причину, не прогонит его, не ударит, не станет ругать — да ещё и скажет, что теперь они будут есть одно и то же.

О таком отношении Сун Яньцин не осмеливался мечтать.

Он опустил голову. Одна слеза упала на стол.

Сун Яньцин быстро сдвинул миску, скрывая мокрое пятнышко.

После откровенного разговора за столом всё ещё было тихо, но прежняя тяжёлая неловкость исчезла.

Поев, Сун Яньцин ловко собрал посуду и отправился мыть её.

Чжан Бэйтин не стал спорить и отнимать у него работу. Он был слишком голоден и, набросившись на лапшу, съел её слишком быстро. Теперь желудок неприятно тянуло.

— Есть кто дома? — раздался от ворот звонкий голос.

Во дворе стоял мальчик лет двенадцати-тринадцати с бумажным свёртком в руке.

Чжан Бэйтин вышел к нему, перебрал чужие воспоминания и убедился, что этого ребёнка не знает.

— Кого ищешь?

— Мой учитель — лекарь Сунь, который осматривал вас позавчера. Он велел принести лекарство.

К этому времени Сун Яньцин уже вытер руки и вышел из кухни. Он подтвердил, что мальчик говорит правду.

Чжан Бэйтин посмотрел на свёрток, но брат его не спешил.

— Я ведь уже очнулся. Может, лекарство теперь не обязательно?

— Учитель сказал, что вы потеряли сознание из-за застоя ци и крови. Даже если очнулись, нужно принять ещё одну дозу средства, разгоняющего застой. Вы образованный человек и

должны понимать, чем заканчивается нежелание лечиться.

Чжан Бэйтин:

— ...

Он вовсе не собирался избегать лечения.

Просто это же травяной отвар!

Ему уже от одного вида казалось, что во рту появляется горечь.

Но признаться ребёнку и Сун Яньцину, что он боится горьких лекарств, было ещё стыднее.

— Ладно, давай, — неохотно сказал он.

Мальчик указал на Сун Яньцина:

— В тот день он отдал шпильку. Мы заложили её, вычли плату за осмотр, осталось шестьдесят два вэня. Эта порция лекарства стоит семьдесят шесть, так что вам нужно доплатить ещё четырнадцать.

— Подожди немного, сейчас принесу.

Чжан Бэйтин вернулся в спальню и довольно долго рылся в шкафу, прежде чем нашёл тощий кошелек.

Судя по памяти прежнего владельца, это и были все его деньги.

Он высыпал монеты на стол и тщательно пересчитал.

Сорок три вэня.

<http://bllate.org/book/20100/1989972>